

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПАТЕРНАЛИЗМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ТРЕНД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Анализируя организованную в 2012-2016 гг. журналом «Общественные науки и современность» дискуссию, посвященную социальному либерализму и превратившуюся во многом в обсуждение государственной активности, затронувшее самые разные аспекты этой важнейшей составляющей современной экономики, подчеркну, что с точки зрения философии и методологии экономической науки, она вновь вывела на авансцену категорию патернализма с его нормативным содержанием. Если же сузить патернализм до границ опекаемых благ, оставляя в стороне традиционные для этой категории патриархальные аспекты «отцовской заботы» государства о своих гражданах, избегая как негативную коннотацию данного понятия, так и его социальную интерпретацию в контексте «социальной защиты» или «поддержки социальной сферы», то в центре внимания остается сама государственная активность.

При этом теория опекаемых благ рассматривает государственную активность, относящуюся к различным сторонам экономической деятельности – изъянам рынка, общественным и мериторным благам, «болезни Баумоля» и т.п. (*Рубинштейн (2009)*). Речь идет о воспроизводящихся рыночных провалах и не менее регулярных провалах государства; в реальном мире нет условий, когда механизмы саморегулирования способны действовать безошибочно, как и нет исключительно верных государственных решений, которые бы устраняли изъяны рынка и реализовали общественные интересы. Добавлю, что и общественные блага, индивидуализация которых может лишь смягчить действие закона Вагнера, всегда остаются мотивом государственной активности. По-видимому, не исчезнет и «воспитательное» стремление государства приблизить поведение индивидуумов к неким желательным для общества нормам (*Якобсон (2016, с.6-7)*), что многократно подтверждают эмпирические исследования в рамках концепций мериторных благ, поведенческой экономики и либертарианского патернализма.

Иначе говоря, государственная активность, по природе своей имеющая патерналистское содержание, судя по всему, навсегда остается элементом экономических отношений и никогда не может исчезнуть, разве что в мечтах анархо-синдикалистов (*Дамье (2010)*) и последователей политического индивидуализма (*Шумпетер (2001, с. 1171)*) или в абстрактных моделях, где выполняется совокупность неких *идеальных* условий. При этом неоклассическая теория с ее жесткими исходными условиями не дает удовлетворительного описания такого поведения государства. Поиск же

адекватных объяснений толкает к пересмотру ее некоторых базовых предпосылок и на этой основе к модификации самой теории.

Речь идет и о фундаментальном условии рационального поведения, объединившего в себе австрийский методологический субъективизм, в соответствии с которым индивидуальные предпочтения принимаются как данность, с неоклассическим допущением, что каждый индивидуум выбирает лучший вариант, оптимизирующий его благосостояние. Ослабление этого «идеального условия» нашло отражение в теориях общественных товаров и мериторных благ, где было снято «табу» с иррационального поведения индивидуумов. И, если в теории общественных товаров «неправильные» решения признавались лишь косвенным образом – объясняя «фрирайдерство», П. Самуэльсон ввел в научный оборот «ложный сигнал индивидуумов об отсутствии спроса на общественное благо» (*Samuelson (1954)*), то в мериторике Р. Масгрейва были описаны стандартные случаи иррационального поведения (*Musgrave (1959, 1994)*). Скепсис в отношении оптимизирующего поведения людей, как бы ни были определены их интересы, собственно и породил мериторику с ее явно выраженным мериторным патернализмом и вмешательством в потребительские предпочтения (*Musgrave (1959, P.13), De Amico (2009)*).

Естественно, что теория благосостояния, опирающаяся на рациональность индивидуума, считает, что патернализм подрывает либеральную доктрину. В каком-то смысле это действительно так, но лишь в той мере, в какой принцип рационального поведения можно считать универсальным. При этом в последние 30-40 лет появились исследования в области поведенческой и экспериментальной экономики, которые, хотя и в лабораторных условиях, но получили множество эмпирических подтверждений нерационального поведения людей. В результате, к началу XXI столетия накопилась весьма представительная коллекция «аномалий», демонстрирующих примеры поведения индивидуумов, которые не только склонны ошибаться, но и регулярно делают ошибки (*Kahneman, Tversky (2000), Thaler (2000), Канеман, Тверски (2003), Павлов (2007, 2011), Капелюшников (2013a, 2013b)*).

Предлагаемые обстоятельства потребовали ответа: не вписывающиеся в границы стандартной теории эмпирические факты нуждались в объясняющей интерпретации. Следует подчеркнуть также, что на этом поприще поведенческие экономисты лишь продолжили мериторную аргументацию, основанную на идее множественности «Я», усилили ее и превратили в свой главный методологический прием (*Thaler, Shefrin (1981), Sunstein, Thaler (2003)*). Иначе говоря, они также пошли по пути отказа от принципа «методологического субъективизма», сохранив и развивая тем самым патерналистский тренд в попытках разрешить противоречие между теоретической предпосылкой рациональности и реалиями иррационального поведения.

Главным же здесь остается иной вопрос, нужно ли в объяснении иррационального поведения людей отказываться от обеих составляющих категории рациональности. Мне кажется, такой необходимости нет. Оставаясь в границах методологического субъективизма с его требованием принимать индивидуальные предпочтения как данность, можно искать решение в иной трактовке оптимизирующего поведения. Дело в том, что, в соответствии с методологическим субъективизмом, каждый человек в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности и вкусы, ведет себя в конкретных обстоятельствах субъективно наилучшим образом. И если такое поведение оценивается как иррациональное или ограниченно рациональное, то это можно объяснить тем, что подобная оценка получена из *внешнего источника на основе присущего ему стандарта*, с позиций которого люди, выбирали не самый лучший вариант, в том числе из-за мериторного дефицита знаний, воли и ресурсов.

Остановлюсь теперь на исходных предпосылках теории опекаемых благ, претендующей на определенное обобщение концепции рыночных провалов, теории общественных товаров и мериторных благ, включая либертарианский и асимметричный патернализм и даже отдельные аспекты некооперативной теории игр – теоретических построений, связанных с патерналистскими действиями государства (*Рубинштейн (2011)*). Повторю в связи с этим главную дефиницию: опекаемые блага - это такие товары и услуги, в отношении которых государство имеет нормативный интерес. Здесь, собственно, и проявляются родственные связи теории опекаемых благ с указанными концепциями.

Собственно, исходя из этого, в теории опекаемых благ и была предложена иная трактовка феномена двойственности предпочтений. В основании данной теории лежит принцип методологического субъективизма, в соответствии с которым поведение индивидуума следует трактовать «с субъективной точки зрения как то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно» (*Мизес (2005, с.24)*). Одновременно с этим теория опекаемых благ допускает существование внешнего источника оценки, автономного носителя нормативного стандарта.

Одним из итогов журнальной дискуссии является и общий вывод о природе патернализма. Если использовать известную формулу, то можно сказать, что патернализм возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку поведение людей признается нерациональным или неэффективной оказывается институциональная среда, в которой они действуют (*Рубинштейн (2015, с.12)*). При этом остается вопрос – что представляет собой внешний источник оценки, устанавливающий эту нерациональность или неэффективность, и как институционально обеспечивается формирование нормативных установок «патера», выступающего от имени общества и декларирующего свои предпочтения в качестве общественного интереса?

Теоретический анализ определил и новую повестку дня, связанную с необходимостью модернизации институционального обеспечения патернализма в пользу гражданского общества и перераспределения властных полномочий. Речь идет об институтах сотрудничества (*Полтерович (2015)*), развитии гражданской самоорганизации и институционализации общественных групп (*Якобсон (2016)*), об институтах «рассредоточения власти» (*Lijphart (1999)*). В теории опекаемых благ это направление нашло отражение в концепции консоциативного патернализма (*Рубинштейн (2015)*).

Отмечу, что прошедшая дискуссия выявила мощный исследовательский потенциал, который не мог вместиться в статьях, опубликованных в журнале «Общественные науки и современность». Уверен, это «не конец истории», работы на данную тему будут и дальше появляться в различных изданиях. Продолжением дискуссии, в частности, стала статья «На какие свойства человека может опереться экономический либерализм», опубликованная в августовском номере «Вопросов экономики» (*Автономов (2015)*). Представленное в ней сравнительное исследование мировоззрения теоретиков либерализма (Бастия, Мизес, Хайек, Ойкен и Фридмен), позволило сделать вывод о наличии двух свойств человека – ценности свободы и разумного стремления к материальной выгоде, обуславливающих возможность проведения либеральной экономической политики. При этом, по мнению автора, «либерализм, опирающийся только на материальную выгоду, неизбежно становится патерналистским» (*Автономов (2015, с.22)*).

Данный вывод имеет более общий характер. Мне кажется, что рассчитывать на «идеальный тип» человека с абсолютным чувством свободы, не конфликтующим с «материальной выгодой», - это значит уходить от реальности. И в этом смысле всякий либерализм имеет патерналистскую составляющую. Замечу также, что и в обществе с рабским сознанием, пусть в небольшой степени, но присутствует все же естественная склонность человека к свободе. Как и все крайности – это лишь удобная метафора. Наверное, более точно говорить о пространственных и временных распределениях «ценности свободы». При этом данное свойство оказывается полезным для общего социального анализа. В частности, ученые, занимающиеся исследованием реформ, должны, по-видимому, учитывать данный параметр. Рискну предположить даже, что многие «институциональные ловушки» можно объяснить отставанием склонности к свободе от трансплантируемых институтов.

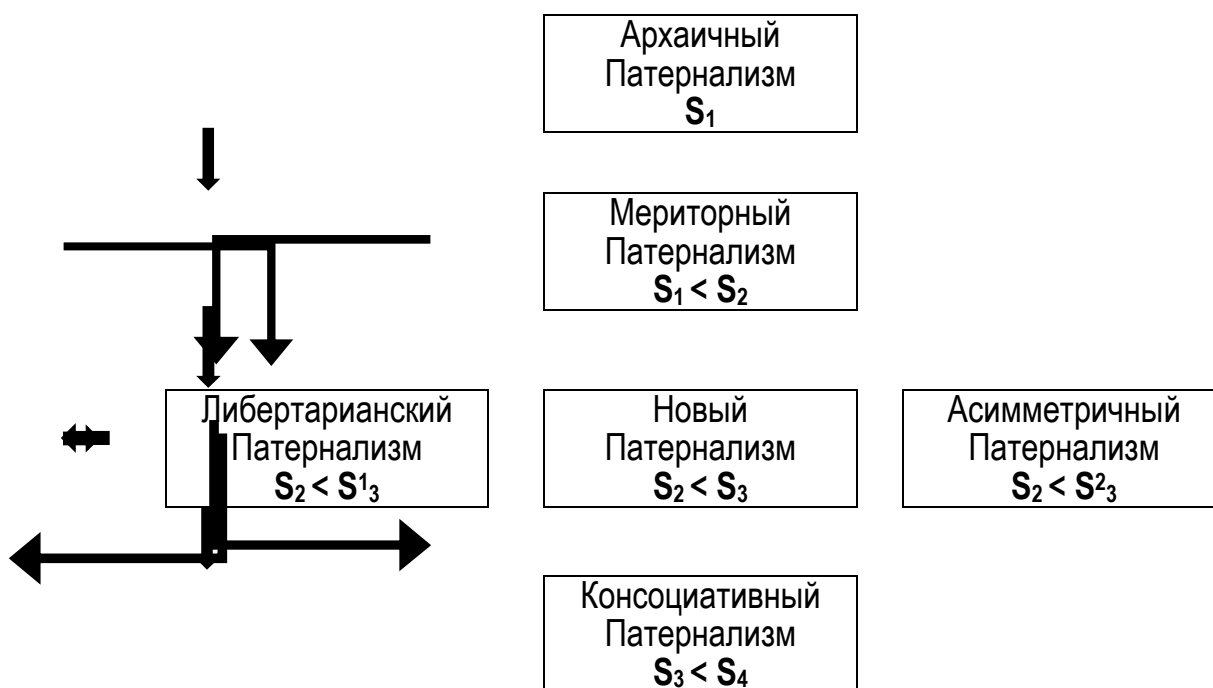
Мне кажется также, что «ценность свободы» дает основание по-другому взглянуть и на существующие разновидности патернализма, упорядочив их именно по указанном параметру. Не буду рассматривать крайнюю позицию – *архаичный патернализм*, но можно утверждать, что *мериторный патернализм* (*Musgrave (1969)*) ориентирован на общество с большей склонностью к свободе. Используемый в рамках данной концепции инструментарий – субсидии, налоговые льготы производителям и

трансферты потребителям, предоставляет людям определенную свободу выбора. В этом смысле *либертарианский патернализм* расширяет возможности потребительского выбора еще в большей мере. Как оптимистично утверждают его авторы, присущая ему политика подталкивания («*nudge*») и соответствующий инструментарий «устраняют противоречие между патернализмом и свободой выбора» (*Sunstein, Thaler (2003, P.1188)*).

Следующий шаг в направлении обеспечения больших свобод индивидуумам сделан еще одной группой представителей «нового патернализма» (*Капелюшников (2013а, 2013б)*), которые обратили внимание на то, что патерналистские действия государства не должны затрагивать тех, кто ведет себя рационально: «*асимметричный патернализм* помогает тем, чья рациональность ограничена и очень мало вредит более рациональным людям» (*Camerer et al. (2003, P.1254)*).

Есть еще одна разновидность патернализма - *консоциативный патернализм* (*Рубинштейн (2015)*). Его отличие от мериторного и нового патернализма обусловлено дополнительным «подключением» институтов консоциализма (*Lijphart (1968, 1977, 1999)*, *Лейнхарт (1997)*), обеспечивающих реализацию одного из фундаментальных принципов либеральной демократии. Речь идет о том, что «люди, которых затрагивают те или иные политические решения, должны иметь возможность участвовать в процессе их принятия» (*Симон, Фурман (2015, с.2)*). Иначе говоря, дополняя свободу потребительского выбора, институты *консоциативного патернализма* обеспечивают либерализацию самой процедуры формирования нормативных установок, увеличивая тем самым свободы людей на более высоком уровне (*Рис.1*).

Рис.1. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПАТЕРНАЛИЗМА *

* S – «Ценность свободы» (*Автономов (2015)*)

Если предложенную классификацию различных видов патернализма, построенную на основе их упорядочения по критерию «ценности свободы», наложить еще на ось времени, то можно заметить, что появление различных версий патернализма оказывается упорядоченным и во времени. Данный результат позволяет сформулировать важное теоретическое утверждение - патернализм, являясь частью экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую явно выраженную либеральную направленность.

Подчеркну, речь идет исключительно о теоретической закономерности, о некоем институциональном тренде. При этом реальная экономическая политика далеко не всегда опирается на соответствующие институциональные возможности. Для того, чтобы выявленную закономерность сопоставить с экономической политикой той или иной страны, достаточно использовать ту же самую шкалу «ценности свободы». И вновь процитирую Автономова «...возможности либеральной политики различаются в зависимости от того, обладает ли «целевое» население сформировавшейся и привычной ценностью свободы» (*Автономов (2015, с 22)*).

Если говорить о населении нашей страны, то повторю слова Н. Тихоновой – «... в его сознании сегодня парадоксальным образом уживаются как некоторые типичные для либерализма ценности, так и набор норм и ценностей, характерных для «неоэтакратических» обществ» (*Тихонова (2013, с. 38)*). Практика последних двадцати лет свидетельствует, российские люди с готовностью согласились на тотальное господство государства практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Судя по всему, население нашей страны еще не обладает достаточно развитой и устойчивой склонностью к свободе (*Аврамова (2015, с. 111)*). Это, конечно, гипотеза, но она позволяет объяснить, почему экономическая политика в современной России по-прежнему находится где-то между архаичным и мериторным патернализмом.

Следует обратить внимание еще на одну российскую особенность, на парадоксальную связь идей либерализма и методов патернализма, которая уже более двадцати лет проявляется в экономической политике, часто со всеми негативными ее элементами, характерными для архаичного патернализма, когда даже либеральные идеи, не проходя сито консоциативного отбора, перерождаются в свою противоположность. Достаточно вспомнить ваучерную приватизацию или валютное регулирование.

В качестве позитивных ожиданий, в которые хочется верить, вновь процитирую Тихонову - «Оценивая перспективы эволюции массового сознания в сторону либеральных ценностей, нельзя не учитывать и то, что, как показывают результаты работы всех основных занимающихся анализом

динамики норм и ценностей исследовательских групп¹, в России ... наблюдается общий дрейф от нормативно-ценностных систем населения, характерных для культур коллективистского типа, к индивидуалистически ориентированным культурам» (*Тихонова (2013, с.39)*). Возможно, этот дрейф не в слишком далеком будущем создаст условия для институциональных изменений в процессах формирования нормативных интересов общества и станет реальным драйвером перехода от архаичного к консоциативному патернализму, который, как мне кажется, является ядром социального либерализма в XXI столетии.

Литература

Аврамова Е.М. Есть ли в современном российском обществе запрос на социальный либерализм? // *Общественные науки и современность*. 2015, №3

Автономов В.С. На какие свойства человека может опереться экономический либерализм // *Вопросы экономики*, 2015. №8.

Дамье В.В. История анархо-синдикализма: Краткий очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. — М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 152 с.

Канеман Д., Тверски А. (2003). Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. №4. С. 31–42.

Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // *Вопросы экономики*. 2013а, №9. с. 66-90

Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть II // *Вопросы экономики*. 2013б, №10. с. 28-46

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. - 287 с.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, Социум, 2005.

Павлов И.А. Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованиям человеческого поведения. М.: Институт экономики РАН, 2007

Павлов И.А. Феномен «уклонения от двусмысленности» в теории рационального выбора. М.: Институт экономики РАН, 2011

Полтерович В.М. От Социального либерализма к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*, 2015. №4

¹ В частности, это исследования Н. Лапина и Л. Беляевой, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием различных методик и на разных массивах данных.

Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // *Общественные науки и современность*. 2009, №1. с. 139-152.

Рубинштейн А. К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия // *Вопросы экономики*. 2011. №3. 65-87

Рубинштейн А.Я. Институциональная эволюция патернализма. - М., ИЭ РАН, 2015.

Симон М.Е., Фурман Е.Д. Проблема выработки политического компромисса: институциональное измерение. – М. ИЭ РАН, 2015.

Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 32–44

Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3-х т. СПб, Экономическая школа, 2001 г. Т.3. X +678 с.

Якобсон Л.И. Социальная политика ювенального общества // *Общественные науки и современность*. 2016. №1.

Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. "Regulation for conservatives. Behavioral economics and the case for 'asymmetric paternalism'", *University of Pennsylvania Law Review*, 151, 2003. 1211–1254.

D'Amico D. Merit Goods, Paternalism and Responsibility. Pavia. Universita, 2009.

Kahneman D., Tversky A. (Eds.). (2000). *Choices, values and frames*. New York: Cambridge University Press.

Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press, 1977.

Lijphart A. *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. Yale University Press. 1999

Lijphart A. *The Politics of Accommodation*. Berkeley: University of California Press. 1968

Musgrave R.A. Provision for Social Goods. In: J. Margolis, H. Guitton (eds.). *Public Economics*. London-Basingstoke: MacMillan, 1969.

Samuelson P.A. The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 36, No. 4. 1954

Sunstein C., Thaler R. (2003). Libertarian paternalism is not an oxymoron, *University of Chicago Law Review*. P. 70, 1159–1202.

Thaler R.H. From Homo Economicus to Homo sapiens. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 14, Number 1. Winter 2000. Pp. 133–141.

Thaler R.H., Shefrin H.M. On Economic Theory of Self-Control // *Journal of Political Economy*, 1981, 89(2), p. 392-406